

На правах рукописи

Земцов Владимир Николаевич

**ВЕЛИКАЯ АРМИЯ НАПОЛЕОНА
В БОРОДИНСКОМ СРАЖЕНИИ**

07.00.03 – всеобщая история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Екатеринбург

2002

Работа выполнена на кафедре всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета.

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор **Гаврилов Д.В.**

доктор исторических наук, профессор **Кондратьев С.В.**

доктор исторических наук, профессор **Туган-Барановский Д.М.**

Ведущее учреждение:

Пермский государственный университет им.А.М.Горького.

Защита состоится «_____» _____ 2002 г. в _____ часов на заседании диссертационного Совета Д 212.286.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Уральском государственном университете им. А.М.Горького (620083, Екатеринбург, К-83, пр.Ленина, 51, Уральский государственный университет им. А.М.Горького, ком.248).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета.

Автореферат разослан «_____» _____ 2002 г.

Ученый секретарь
диссертационного Совета
доктор исторических наук,
профессор

В.А.Кузьмин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Война 1812 г. стала важнейшей вехой в российской и мировой истории. Катастрофа Великой армии Наполеона в России обозначила многие из тех проблем, которые и по сегодняшний день продолжают волновать воображение исследователей и политиков многих стран мира. Что такое дух народа? Какие принципы должны быть положены в основу отношений Запада с Россией? Как соотносить национальный интерес отдельных европейских стран с интересами Единой Европы? Что является решающим в принятии великих государственных решений – рок «исторической предопределенности», совокупная воля большинства общества или же решимость его отдельных лидеров? Поиски ответов на эти и многие другие вопросы, связанные с событиями 1812 г., кульминацией которых стало Бородинское сражение, привели к появлению в России и за рубежом почти необозримой исторической, художественной и публицистической литературы. Столь длительный, а нередко и достаточно стойкий интерес к войне 1812 г. и Бородину, предопределил рождение всеобщей иллюзии о некой «прозрачности» событий Бородинской битвы, об очевидности причин, ее породивших, хода и последствий. В сущности, все книги о Бородинском сражении с удивительным постоянством воспроизводят в каждой отдельно взятой стране одни и те же национально ограниченные сюжеты и вызывают одни и те же национально определенные чувства. Историческая память каждого народа, участвовавшего в сражении или наблюдавшего его издали (как, например, обстояло дело с англичанами и американцами), базируется на одном, строго определенном мифе-основании, созданном как путем воздействия коллективных представлений той или иной нации, так и благодаря манипуляциям, производимым с этим мифом государственной властью.

Помимо национальных «ловушек» исторической памяти, есть и другая причина, предопределившая иллюзию «изученности» Бородинской битвы. Это почти всеобщее стремление историков к «научному», то есть структуралистски заданному, объяснению событий грандиозной битвы. Историки как правило сводят все многообразие человеческих трагедий тех дней к неким общим социологизированным схемам. Живые люди либо исчезают со страниц такого рода научных исследований, либо же превращаются в заложников «объективных обстоятельств» социального, военного, политического или иного рода.

Сегодня, когда начал происходить отказ отечественной исторической науки от идеи всеобщего детерминирования, обозначился отход от жестких структуралистских подходов и появилась «микроисторическая» парадигма в гуманистике, пришло время обратиться к живому человеку прошлого, который боролся, страдал и умирал на Бородинском поле в 1812 г. Сам факт стремления автора к «внутреннему включению» в поступки и чувства людей, выступавших в те дни в качестве национального врага его предков, следует истолковывать как

своеобразную попытку преодоления узких рамок «национальных историй» Бородин.

Таким образом, актуальность предпринятого исследования обусловлена, во-первых, непреходящей важностью изучения истории взаимоотношений между Западом и Россией в европейском и мировом контексте; во-вторых, фактическим отсутствием в отечественной историографии глубоких исследований, посвященных Великой армии Наполеона в 1812 г.; в-третьих, необходимостью изучения природы и механизмов функционирования исторической памяти различных народов применительно к событиям 1812 г.; в-четвертых, важностью познания природы исторической альтернативности через выявление субъективно-личностного воздействия на исторические события на микроуровне.

В качестве **объекта** настоящего исследования выступают Великая армия Наполеона как социальный организм и ее чины.

Предметом исследования являются социальные, психологические и психофизиологические процессы, происходившие с чинами Великой армии, а также историческая память ряда народов применительно к войне 1812 г. и Бородинскому сражению.

Хронологические, как и территориальные, рамки работы подвижны, пульсируя от событий одного дня (7 сентября* 1812 г.) на узком пространстве Бородинского поля, до главного театра военных действий в России летом – зимой 1812 г. и до процессов почти 200-летней длительности, происходивших в ряде стран Европы и Америки, когда затрагиваются проблемы исторической памяти наций. Столь значительная разноплановость хронологических и территориальных рамок обусловлена замыслом работы, призванной выявить многообразие и разнофокусность составляющих истории Бородинской битвы.

Основная цель исследования заключается в изучении разноплановых (социальных, психологических, физиологических и др.) процессов, протекавших в армии Наполеона во время кампании 1812 г. и, в особенности, в период Бородинского сражения.

Цель исследования предопределила следующие **основные задачи**:

- показать национальные историографические традиции в освещении действий армии Наполеона в Бородинском сражении, а также установить взаимосвязь между особенностями непосредственного национально-обусловленного восприятия Бородин и национальной исторической памятью о нем;
- выяснить происхождение и природу Великой армии 1812 г. как социального, политического и межнационального организма;
- выявить систему социо- и психовласти Великой армии, обусловившую социокультурные установки наполеоновского солдата;
- определить характер и направленность отклонений в чувствах и действиях солдат Великой армии в 1812 г. от первоначально заданной нормы поведения;
- выяснить степень соотношения «объективной предопределенности» и субъективного, человеческого компонента к началу Бородинского сражения;

* Все даты даны по новому стилю.

- реконструировать действия Великой армии на основных этапах сражения, выявляя роль факторов объективного и волевого личностного характера;
- показать последствия Бородина для Великой армии, как с точки зрения «материальных», так и морально-психологических процессов;
- выявить роль и место результатов Бородина в поражении Великой армии в России в 1812 г.;
- апробировать собственный методологический подход, условно названный нами историко-темпоральным синтезом и реализованный с использованием материалов военной микроистории.

Методология предлагаемого исследования в значительной степени ориентируется на те блестящие находки эпохи постмодернизма, которые воплотились в «новой интеллектуальной истории», «новой историографии», «другой социальной истории» и, особенно, в «микроистории». Несмотря на существенные различия, существующие в национальных традициях микроистории, общим для них стало смещение анализа с «внешних» по отношению к «историческим акторам» категорий на процессы «внутренние», глубинные, связанные с индивидуальным поведением и взаимодействием индивидов. Особую роль в формировании нашего метода сыграла деятельность отечественных медиевистов Ю.Л.Бессмертного, М.А.Бойцова и их коллег, основавших альманах «Казус», а также предшествующие разработки в сфере диалогичности исторического исследования М.М.Бахтина, Ю.М.Лотмана, В.С.Библера, Л.М.Баткина и др. Важную помощь в разрешении серьезной задачи совмещения макро- и микроисторических процессов с одновременным выявлением связующего звена среднесрочных структур оказали нам работы представителей Школы «Анналов», а именно классический труд Ф.Броделя «Средиземное море и мир Средневековья эпохи Филиппа II» и книга Ж.Дюби «Бувинское воскресенье. 27 июля 1214».

В предлагаемом диссертационном исследовании нашли отражение методология и методы военной социологии и психологии, помогающих выявить и описать «материальную» природу таких явлений, как повиновение, инициатива, героизм, военная интуиция, страх и др. (работы Н.Н.Головина, Г.Е.Шумкова, А.Вагтса, Дж.Кигана, Н.Коупленда и др.); военно-исторической психологии, призванной изучить «человека воюющего» в исторической динамике (работы Б.М.Теплова, Е.С.Сенявской, О.С.Поршневой и др.); исторической социологии и исторической психологии (в особенности труды М.Блока, Ф.Броделя, Й.Хёйзинги, Э.Леруа Ладюри, Б.Ф.Поршнева, А.Я.Гуревича, авторы которых, отвергая априорно заданные психологические схемы, реконструировали психологические структуры прошлого через скрупулезное и систематическое собирание всех возможных фактов эпохи с их последующим обобщением); синергетики, в целях воссоздания многомерной картины Великой армии Наполеона как целостной самообразующейся и самоподдерживающейся системы (работы И.Пригожина, Г.Хакена, В.Ю.Крылова, В.В.Васильковой и др.), герменевтики с целью корректной интерпретации исторических текстов и про-

никновения в конкретно-психологическую ситуацию эпохи (труды П.Рикёра, Х.-Г.Гадамера, М.М.Бахтина и др.); семиотики (работы Ю.М.Лотмана, Б.А.Успенского, Р.Барта и др.) – не только в плане реконструкции субъективных мотивов, оказавшихся непосредственными толчками к тем или иным действиям участников кампании 1812 г., но и для понимания природы импульсов, которые посылала память о Бородинском сражении различным нациям в их последующей 200-летней истории; исторической памяти (прежде всего, работы коллектива французских исследователей во главе с П.Нора), как при семиотической работе с текстами личного происхождения, так и при воспроизведении диалога той или иной нации со временем. Был использован также метод «военно-исторической реконструкции», напоминающий о «Reenactment» Р.Дж.Коллингвуда и помогающий наладить эмоционально-чувственный контакт с прошлым.

Синтезируя на основе микроисторического подхода методологические принципы целого ряда наук, мы сформулировали собственный метод. Его своеобразие, во многом, связано с тем, что в период любого крупного сражения, которое соединяет в себе проявление военной повседневности с военным «праздником», границы между индивидуальным и коллективным, осознанным и неосознанным, структурированным и текучим становятся очень зыбкими. Мы получаем шанс выявить соединение внеличных структур с конкретными жизненными ситуациями. Это достигается соединением разных масштабов и плоскостей рассмотрения исторического события, которые, сопрягаясь, значительно дополняют друг друга, создавая своего рода трехмерную картину прошлого. Мелкий масштаб (взятый нами в виде исторической памяти наций о Бородинском сражении), представляющий процессы большой длительности, позволяет увидеть, как люди сохраняют, используют и интерпретируют прошлое, не только делая его актуальным, исторически-значимым, но одновременно и деформируя его, создавая и воспроизводя явно антиисторичные образы. Осознание механики такой «семиотизации» истории, то есть выборочного и, до известной степени, искаженного прошлого (Б.А.Успенский), вполне способно вызвать обоснованные сомнения в познаваемости исторического прошлого как такового. Средний масштаб, сопряженный с процессами среднесрочной длительности (в нашем варианте представленный через исследование социальных и человеческих структур Великой армии с одновременной фиксацией внимания на событиях кампании 1812 г. и Бородина), дает возможность связать макро- и микропроцессы, создавая своего рода мостик между конкретным человеком, примарным фактом, и надличностными «объективными» процессами «исторической закономерности». Инвентаризация детерминант, определяющих законы поведения «человеческой массы» (социальные структуры, созданные временем и властью, питание, одежда, физические нагрузки, социальные стереотипные ценности, традиции и обычаи) позволяет определить характер того «силового поля», в котором действует человек. Максимально крупный план воссоздания исторического события, находясь под постоянной

угрозой свести исследование к малозначимым «частностям», демонстрирует вместе с тем и гигантские преимущества. На уровне микроистории, которая неизбежно может существовать только при опоре на примарные, а значит, «мелкие» факты, и соотносится только с процессами малой длительности, наконец-то появляется живой человек прошлого, а значит и наступает осознание окказиональности его поступка. Этот человек действует в «живом историческом поле», не зная еще, что будет «потом», а значит, поступая, исходя не только из своих представлений о социально-должном, но и испытывая не подающийся контролю взлет энергии и таланта, либо наоборот, ощущая слабость и растерянность.

Таким образом, постепенно укрупняя масштаб рассмотрения событий прошлого, используя как традиционные, так и получившие распространение в последние десятилетия методы исследования, мы приближаемся к пониманию человека воюющего начала XIX в., столь отличному от солдата века XX.

Источники работы. Принимая классификацию исторических источников по методам и формам отражения действительности (вещественные, письменные, изобразительные и фонетические), мы делаем основной акцент на письменных, в особенности, источниках личного происхождения, помогающих услышать живой голос солдат Великой армии.

Важнейший комплекс источников этой группы составляют 619 писем маршалов, генералов, офицеров, чиновников и солдат Великой армии 1812 г. Большая их часть попала в качестве трофейных бумаг и хранится в отечественных архивохранилищах: в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ) и др.¹ Часть этих писем публиковалась². Тем не менее, более половины писем, хранящихся в основном в РГАДА и РГВИА, опубликованы не были. Значительная часть использованных нами писем не относится к трофейным материалам, хранится во Франции и там же опубликована³. В работе с письмами мы попытались использовать как традиционные методы работы с текстом, так и количественные и междисциплинарные. Выделение в письмах тематических единиц и смысловых высказываний, а также распределение писем по эмоциональному настроению их авторов, дало возможность проследить динамику смены настроений различных групп армейского организма в 1812 г. Наконец, в фондах РГАДА было выявлено и обработано 207 писем, отправлен-

¹ РГАДА. Ф.30. Оп.1. Д.239-243, 245-254, 260-264, 266-268, 284. Ч.1-2; РГВИА. Ф.151. Оп.1. Д.92. Ф.846. Оп.16. Д.3605. Ч.1-2; ОР РГБ. Ф.41. К.165. Ед.165. Ед.25; Искюль С.Н. Письма вестфальских солдат из России на родину в 1812 г. // Освободительное движение в России. Межвузовский научный сборник. Саратов, 1978. Вып.7. С.101-110.

² См., например: Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Отд.2. Бумаги, отбитые у противника. СПб., 1903.Т.1; Отступление из Москвы в 1812 году (по письмам французов). М., 1912; Затворницкий Н.К. К истории 1812 года // Русская старина. 1907. №9.С.459-478; №11.С.305-318; №12.С.563-575; Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / Publ. Par S.E.M.Goriainow. P., 1913; Искюль С.Н. Указ. соч.; и др.

³ Lettres interceptées...; [Du Casse A.] Mémoires et correspondance politique et militaire du Prince Eugène. P., 1858 (1860). Т.7-8; D'Eckmühl A.-L. (de Blocqueville). Le maréchal Davout, prince D'Eckmühl. P., 1880.Т.3; Chuquet A. Lettres de 1812. P., 1911. Sér.1; Ejusd. 1812. Notes et documents. P., 1912. Sér.1-3; Ternaux-Compans. Le général Compans. P., 1912; The Letters of Napoleon to Marie-Louise. L., 1935; etc.

ных чинам Великой армии с родины, отразивших общий настрой жителей наполеоновской империи накануне и в начале кампании 1812 г. и оказавших заметное влияние на настроения участников Русского похода⁴.

Значительную долю материалов личного происхождения составляют опубликованные дневники чинов Великой армии 1812 г.⁵ Особую ценность имели дневники капитана (затем – шефа эскадрона) Э.-В.-Э.-Б.Кастелана, капитана 30-го линейного полка Ш.Франсуа и капитана 18-го линейного Г.Бонне.

Мемуары, которые составили третий комплекс источников личного происхождения, представляют собой дважды или трижды «субъективизированное» отражение действительности (И.Д.Ковальченко). Поэтому, несмотря на их многочисленность (только «основных» мемуаров участников Бородинского сражения со стороны армии Наполеона нами выявлено более 50)⁶ и внешнюю информативность, они требуют особенно критического отношения историка, желающего реконструировать события, чувства и мысли людей 1812 г. Значительная часть воспоминаний, особенно французских участников сражения, нередко испытала на себе воздействие как мемуаров, вышедших ранее, так и собственно исторических работ. Вместе с тем, такая ситуация позволяет нам нередко увидеть не только «прагматическую», но и «скрытую», «семантическую», информацию, отразившую особенности развития как личной, так и групповой и национальной исторической памяти о событиях 1812 г.

Многообразие и многочисленность источников личного происхождения, в соединении с методами, заставляющими их «заговорить», позволяют выявить целый ряд пластов чрезвычайно важной информации, ранее не замеченных исследователями.

⁴ РГАДА. Ф.30. Д.269. Ч.1-2.

⁵ Maily-Nesle A.-A.-A. Mon journal pendant la campagne de Russie...P., 1841 ; Castellane E.-V.-E.-B. Journal. P., 1895. T.1 ; Fantin des Odoards L.-F. Journal. P., 1895 ; François C. Journal du capitaine François. P., 1904. T.2 ; Bonnet. Journal // Carnet de la Sabretache. 1912. P.641-672; Lagneau L.-V. Journal d'un chirurgien de la Grande Armée. P., 1913 ; etc.

⁶ Bourgeois R. Tableau de la campagne de Moscou en 1812. P., 1814; Labaume E. Relation circonstanciée de la campagne de Russie en 1812. P., 1814; Larrey D.-J. Mémoires de chirurgie militaire et campagne. P., 1817. T.4; Rapp J. Memoires. L., 1823 ; Fain A.-J.-F. Manuscrit de 1812. P., 1827. T.1-2; Bausset L.-F.-J. Mémoires anecdotiques... Bruxelles, 1827. T.2; Dumas M. Souvenirs. P., 1839. T.3; Denniée P.-P. Itinéraire de l'Empereur Napoléon pendant la campagne de 1812. P., 1842; Lejeune L.-F. Souvenirs d'un officiers de l'Empire. P., 1850; Berthezéne P. Souvenirs militaires de la République et de l'Empire. P., 1855. T.2; Pelleport P. Souvenirs militaires et intimes. P., 1857. T.2; Fézensac M. Souvenirs militaires. P., 1863; Aubry Th.-J. Souvenirs du 12-ème de chasseurs. P., 1889; Pion des Loches A.-A. Mes campagnes. P., 1889; Dupuy V. Souvenirs militaires. P., 1892; Boulart J.-F. Mémoires militaires. P., 1894; Le Manuscrit des carabiniers // Revue de cavalerie. Paris; Nancy, 1894. P.208-215; Le Roy C.-F.-M. Souvenirs // Mémoires de la Société Bourguignonne de geographic et d'histoire. Dijon, 1894. T.29; Seruzier T.-J.-J. Mémoires militaires. P., 1894 ; Planat de la Faye N.-L. Vie de Planat de la Faye... P., 1895; Vionnet de Maringoné L.-J. Souvenirs... P., 1899; Dutheillet de Lamothe A. Mémoires. Bruxelles, 1899; Bellot de Kergorre A. Un commissaire des guerres pendant le Premier Empire. P., 1899; Dedem de Gelder. Mémoires du général Dedem de Gelder. P., 1900; Biot H.-F. Souvenirs anecdotiques et militaires. P., 1901; Bertrand V. Mémoires de capitaine Bertrand. Augers, 1909; Griois L. Mémoires du général Griois. P., 1909. T.2; Henckens J.L. Mémoires. La Haye, 1910; Teste F.-A. Souvenirs // Carnet de la Sabretache. 1911. №223. P.666-742; Bro L. Mémoires du général Bro. P., 1914; Caulaincourt A.-A.-L. Mémoires. P., 1933. T.1; Dumonceau F. Mémoires. Bruxelles, 1958. T.1-2; Burkseroda. Die Sachen in Rußland. Naumburg, 1846; Meerheim F.L.A. von. Erlebuisse eines Veteranen der Grossen Armee, während des Feldzuges in Rußland, 1812. Dresden, 1860; Wedel C.A.W., von. Geschichte eines Offiziers im Kriege gegen Rußland 1812... Berlin, 1897; Suckow K. von. D'Iéna à Moscou. Fragments de ma vie. P., 1901; Дневник поручика Фоссена // Русский архив. 1903. №11. С.467-479; Роос Г. С Наполеоном в Россию. М., 1912; Лоссберг. Поход в Россию в 1812 г.// Военно-исторический вестник. 1912. Кн.1. Приложение; Vossler H.A. With Napoleon in Russia. 1812. L., 1969; Chlapowski D. Lettres sur les événements militaires en Pologne et en Lithuanie. P., 1832; Soltyk R. Napoléon en 1812. Mémoires historiques et militaires sur la campagne de Russie. P., 1836; Malachowski S. Pamietniki. Poznań, 1885; Kolaczowski K. Wspomnienia. Kraków, 1898. T.1; Ложье Ц. Дневник офицера Великой армии в 1812 году. М., 1912; Bertolini B. La campagna di Russia. Milano, 1940; etc.

Следующей группой письменных источников стали документы официального делопроизводства. Прежде всего, это официальная переписка Наполеона. Нами использованы, главным образом, 23 и 24-й тт. его «Корреспонденции» за 1812 г. в официальном издании 1868 г.⁷ Привлечена обширная делопроизводственная и военно-оперативная документация, касающаяся подготовки Великой армии к войне с Россией и событий самой войны, опубликованная в начале XX в. Л.Маргероном, Л.Фабри, А.Шюке, а также русскими архивистами на основе трофейных французских бумаг⁸. Важные данные, связанные с материалами французской разведки, и помогающие реконструировать процесс принятия решений наполеоновским командованием в 1812 г., извлечены нами из трофейных бумаг, хранящихся в РГАДА⁹. Исключительную ценность имеют немногие сохранившиеся рапорты разных чинов Великой армии о Бородинской битве¹⁰. Разноплановую информацию, помогающую не только реконструировать ход Бородинской битвы, но и прояснить характер функционирования Великой армии как социального организма, несут в себе бумаги о производствах, назначениях и награждениях до и после Бородинской битвы, хранящиеся в РГВИА и РГАДА¹¹.

Исключительный интерес при реконструкции социальных структур Великой армии имеют материалы военного законодательства, изданные во Франции в 1812 г. в 4-х тт.¹², а при подсчете потерь – данные военной статистики, опубликованные А.Мартиньеном¹³.

Своеобразную группу письменных источников нашей диссертации составляют исторические труды, посвященные войне 1812 г. и Бородинскому сражению. Исторические работы рассматриваются нами не только в традиционном историографическом аспекте: нас интересуют прежде всего механизмы сохранения, воспроизводства, передачи и искажения национальным сознанием тех первоначальных впечатлений, которые произвело Бородино на его участников и современников. С помощью выявления особенностей взаимодействия авто-

⁷ Napoléon I. Correspondance de Napoléon I. P., 1868. Т.23-24.

⁸ Margueron L. Campagne de Russie. P., 1898-1906. Т.1-4 ; Fabry G. Campagne de Russie (1812). P., 1900-1903. Т.1-4 ; Chuquet A. 1812 ; Отечественная война 1812 года. Отд.2..Т.1.

⁹ РГАДА. Ф.30. Оп.1. Д.259, 270, 273-274, 278, 285.

¹⁰ Рапорт Мюрата о действиях 5 сентября; Рапорт Мюрата о сражении под Москвой. Можайск, 9 сентября 1812 г.; Рапорт Е.Богарне о Бородинском сражении. Руза, 10 сентября 1812 г.; Рапорт Нея о Бородинском сражении. Возле Бородина, Можайская дорога, 9 сентября 1812 г.; Рапорт Понятовского о Бородинском сражении. Поле сражения, 10 часов вечера 7 сентября 1812 г. // Bulletins officiels de la Grande Armée. Campagne de Russie et de Saxe. P., 1821. P.125-139; Рапорт Жерара о Бородинском сражении // Васильев А.А. Комментарии к рапорту о сражении при Можайске (Орел. 1991. С.15-17); Рапорт 57-го линейного полка; Рапорт 61-го линейного полка. 6 сентября 1812 г.; Рапорт сводных вольтижеров дивизии Компана. 6 сентября 1812 г.; Рапорт 111-го линейного полка. 6 сентября 1812 г.; Ведомость потерь 111-го линейного полка за 5 сентября, составленная 30 сентября 1812 г.; Записка генерала Компана о сражении за Шевардинский редут. 5 сентября 1812 г.; Рапорт 111-го линейного полка за 7 сентября, составленный 1 октября 1812 г.; Рапорт 61-го линейного полка о сражении 7 сентября; Записка генерала Компана о сражении 7 сентября // Ternaux-Compans. Op. cit. P. 175-176, 184-185; 344-359; Рапорт полковника де Чюди о бое 5 сентября // Worpe P. Les Espagnoles à la Grande Armée. Paris; Nancy, 1899. P.147. Note1; Исторический рапорт о кампании 1812 г. 48-го линейного полка // Chuquet A. 1812. Sér.2.P.61; Рапорты вестфальского военного министра графа фон Хене королю Вестфалии Жерому о Бородинском сражении, 8 октября 1812 г. // Ibid. Sér.1.P.71-75.

¹¹ РГВИА. Ф.846. Оп.16.Д.3604-3606; РГАДА. Ф.30. Оп.1. Д.279.

¹² Législation militaire ou Recueil methodique et raisonnée des Lois, Décrets, arrêtés, réglemens et instructions... / Par H.Berriot. Alexandrie, 1812. Т.1-4.

¹³ Martinien A. Liste des officiers généraux, tués ou blessés sous le Premier Empire de 1805 à 1815. P., 1895; Ejusd. Tableaux par corps et par batailles des officiers tués et blessés pendant les Guerres de l'Empire. 1805-1815.P., 1899.

ров с «текстами» (в бартовском смысле) предшествующих им эпох, мы пытаемся выявить особенности и тенденции развития исторической памяти различных наций о Бородине.

Помимо письменных источников в диссертации привлечены источники изобразительного характера. Прежде всего, это многочисленные рисунки, сделанные с натуры в ходе Русской кампании баварцем А.Адамом, числившемся при штабе 4-го армейского корпуса, и лейтенантом вюртембергской артиллерии К.Г. фон Фабер дю Фором¹⁴.

К источникам изобразительного характера следует отнести и картографические материалы. Особый интерес имеют образцы тех карт, которыми пользовался Наполеон и его командование в России¹⁵, знаменитая карта Бородинского поля французских инженеров-географов капитанов Пресса, Шеврие и Реньо, снятая вскоре после сражения, карта капитана Е.Лабома, сделанная 5-6 сентября 1812 г., и ряд др.

К вещественным источникам, привлеченным в данной диссертации, следует отнести, прежде всего, само Бородинское поле. Хотя этот уникальный живой памятник и не мог сохраниться с 1812 г. в неизменности, однако комплексное изучение истории ландшафта, проводимое уже многие годы большим коллективом ученых, позволяет представить его особенности в дни Бородинской битвы. «Наложение» письменных и изобразительных материалов на «живую» местность дало возможность максимально приблизиться к реальной картине событий 5-7 сентября 1812 г. Вещественные источники, связанные с событиями 1812 г., и частично хранящиеся в фондах различных музеев, прежде всего, в Бородинском государственном военно-историческом музее-заповеднике, также оказали помощь в реконструкции событий Бородинского сражения.

Научная новизна исследования состоит как в постановке основных проблем, так и в методах и источниковой базе работы. Впервые, как в отечественной, так и в зарубежной историографии, в качестве предмета исследования взята совокупность разнообразных и многоплановых процессов, протекавших в Великой армии Наполеона в 1812 г., а также процессы в исторической памяти разных наций применительно к событиям Бородинского сражения.

В диссертации впервые в отечественной науке на конкретном историческом материале предлагается соединение разновременных и разноплановых масштабов рассмотрения крупнейшего исторического события. Выявляются возможности и механизмы сочленения исторических структур большой, средней и малой длительности. Диссертация также представляет собой опыт совмещения конкретно-исторической проблематики с проблематикой военно-исторической психологии, военной психологии и социологии, и исторической памяти. Реали-

¹⁴ Adam A. Voyage de Willenberg en Prusse jusqu'a Moscou en 1812. Munich, 1828 (наиболее распространенное немецкое издание: Adam A. Aus dem Leben eines Schlachtenmalers. Stuttgart, 1886); Faber du Faur. Blatter aus meinen Portfeuille, im Laufe des Feldzuge 1812. Stuttgart, 1831-1843 (наиболее известны два французских изд.: Faber du Faur C.W., von. Campagne de Russie, 1812. P., s.d.; Faber du Faure G. Campagne de Russie, 1812. P., 1895). См. также: Quennevat J.C. Albrecht Adam et Faber du Faure, "Reporters" de la campagne de Russie // Souvenir napoléoniennes. T.262. P.14-18.

¹⁵ Fabry G. Op.cit.T.3; Chambray G. Histoire de l'expédition de Russie. P., 1823. T.1-2 ; Beaucour F. Autour de Sept lettres inédites de Murat à son Ministre Agar pendant la campagne de Russie de 1812 // Études napoléoniennes. 2000. P.730-731.

зуется задача исторического синтеза за счет привлечения традиционных исторических, количественных и современных междисциплинарных методов исследования.

Поставлена и разрешается конкретная историческая проблема роли и места Бородинского сражения в поражении Великой армии Наполеона в 1812 г.

Впервые в отечественной историографии введен в научный оборот широкий комплекс зарубежных материалов – 619 писем чинов Великой армии, несколько дневников участников Русского похода, более 50 воспоминаний и ряд рапортов. Значительная часть документов, хранящихся в отечественных архивохранилищах, и также использованных в диссертации, не известна и за рубежом: более 200 писем из Великой армии 1812 г. на родину и около 200 писем с родины; часть военно-оперативной (в том числе данные разведки) и делопроизводственной документации Великой армии. Письма солдат Великой армии 1812 г. впервые были обработаны как массовый источник с помощью контент-анализа.

Теоретическое и практическое значение диссертации связано с тем, что обращение к процессам, протекавшим в рамках многонациональной европейской армии Наполеона при соприкосновении с Россией в 1812 г., помогает понять особенности и степень культурной совместимости, диалогичности и диффузности между западноевропейскими и восточноевропейскими народами. Большое значение имеет методология и методика, предложенные автором, в постижении «человека воюющего» эпохи нового времени. Большую практическую значимость имеет опыт многостороннего изучения армейского организма как социального и человеческого института, а также выявленные особенности в сохранении, передаче и использовании государственной властью национальной исторической памяти. Выводы и материалы диссертации могут быть использованы при дальнейшем изучении как проблем европейской и отечественной истории начала XIX в., так и в исследованиях смежных наук – военной социологии и психологии, семиотики, герменевтики и др. Материалы исследования широко использовались автором в учебном процессе при чтении основных и специальных курсов по новой и новейшей истории зарубежных стран.

Апробация основных положений исследования проводилась на международных, всероссийских и региональных научных и научно-практических конференциях в Самаре (1997), Можайске (1997, 1998, 1999, 2000, 2001), Вологде (2000), Челябинске (2000), Екатеринбурге (1996, 1998, 1999, 2000, 2001). Основное содержание диссертации отражено в монографиях: «Битва при Москве-реке. Армия Наполеона в Бородинском сражении» (М., 1999; 2-е изд., испр., перераб. и доп.: М., 2001) и «Великая армия Наполеона в Бородинском сражении» (Екатеринбург, 2001). Опубликованы 2 рецензии на монографию «Битва при Москве-реке» (1-е изд.) (Новая и новейшая история. 2001. №1. С.240-241; *Études napoléoniennes*. 39. 2000. P.1030), а также информация о выступлениях на конференциях (Новая и новейшая история. 2000. №5. С.252; Отечественная история. 2001. №3. С.210).

Структура и объем диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы и приложений. Содержание диссертационной работы изложено на 522 страницах текста, приложения содержат 10 страниц. Библиография содержит 661 наименование.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается актуальность темы, определяются объект и предмет изучения, формулируются основная цель и задачи работы, характеризуется методология исследования, источники, и определяется его научная новизна.

В первой главе диссертации «Историография темы, или ловушки национальной памяти» на основе, главным образом, историографического материала рассматривается проблема формирования и развития образов Бородинского сражения в исторической памяти разных наций. Автор выделяет историческую память тех наций, которые участвовали в Бородинском сражении в составе Великой армии Наполеона (французов, немцев, поляков и итальянцев), русских, бывших их противниками, и англичан и американцев, в битве не участвовавших. Нации, воевавшие под Бородином, обращались к образам этой битвы на протяжении всей своей последующей истории, интерпретируя память о ней в зависимости от переживаемых ими в тот или иной момент событий. Народы находили в этой памяти то источник духовной стойкости, то примеры мужества и воинской чести, то импульсы, формирующие чувство национальной общности, которое иногда могло перерасти в национальное чванство или фобию. Все это предопределило вполне естественную «деформацию» при воспроизведении и интерпретации «национальными историографиями» событий и последствий Бородина. Нередко картина этого сражения приобретала освященный традицией набор образов и суждений, которые, будучи односторонними, искажали подлинную историческую реальность.

Истоки формирования образов «французского» Бородина тесно связаны с теми чувствами и ощущениями, которые переживались французскими солдатами в день 7 сентября 1812 г. и сразу после него. Испытав сильнейшее напряжение, проявив величайшую доблесть и отбросив противника, солдаты Великой армии считали себя победителями, которые вскоре должны были вступить в Москву и заставить русских подписать мир. Из 93 писем чинов Великой армии, отправленных вскоре после сражения из Москвы в сентябре 1812 г., ни в одном не содержится сомнений в одержанной победе. Следующим фактом, предопределившим своеобразие французской исторической памяти о Бородине, стало издание 18-го бюллетеня Великой армии, написанного Наполеоном, и, во многом, носившего пропагандистский характер. Однако сразу после падения Первой империи возникла и та традиция во французской историографии, которая была склонна акцентировать внимание на бесполезности потерь, поне-

сенных наполеоновской армией в Бородинском сражении, и ставившая под вопрос сам факт французской победы (работы Р.Ж.Дюрдана, Э.Лабома и др.).

Опорой на строгий документальный материал отличалась одна из лучших работ о кампании 1812 г. Ж.Шамбрэ. Хотя автор и отдавал победу в битве под Бородином французам, но оценивал ее как недостаточный успех, связанный с вялостью императора и отказом последнего бросить в бой свою гвардию. Подобная точка зрения нашла отражение и в работе Ф.-П.Сегюра. В то же время Ф.-Ф.-Г.Водонкур, Г.Гурго и сам Наполеон в своих устных воспоминаниях отстаивали мысль о полной и славной победе французского оружия в «битве под Москвой». На протяжении нескольких последующих десятилетий эти два направления в историографии «французского» Бородина находили в разной степени свое воплощение в целом ряде работ (А.Фэна, А.-А.Жомини, Ж.-Ж.-Ж.Пеле, Л.Гувииона Сен-Сира, А.-О.-Л.Коленкура, М.Дюма, П.-П.Денье и др.). Среди наиболее важных дискутировались вопросы о плане Наполеона на сражение, численности противоборствующих армий и их потерь, роли отказа французского главнокомандующего от введения в бой гвардии и др. Однако в целом, несмотря на эти дискуссии, с конца 30-х гг. XIX в. все более стала преобладать «про-наполеоновская» версия, приобретающая в массовой литературе черты сказочного мифа. Этому активно способствовала публикация «Корреспонденции» Наполеона и мемуаров. Книги, бросающие тень на факт безусловной победы под Москвой (к примеру, воспоминания Р.-Э.-Ф.-Ж. Де Монтестье Фезенсака) становились во Франции все большей редкостью.

Несмотря на поражение Франции в 1870-1871 гг. и крах Второй империи, французы в конце XIX в. сохранили стойкий интерес к войне 1812 г. Но он приобрел новую черту: начался массовый выход в свет мемуаров малоизвестных участников событий, бывших в 1812 г. офицерами и даже сержантами (майоров Ж.-Ф.Булара, К.-Ф.-М. Ле Руа, капитанов Жиро де л'Эна, А.-О.Пион де Лоша, В.Дюпюи, лейтенанта Н.-Л.Плана де Ла Файе, сержанта А.-Ж.-Б.-Ф.Бургоня и др.). Были опубликованы дневники капитанов Л.-Ф.Фантена дез Одара и Э.-В.-Е.-Б.Кастелана. Прежний интерес, сосредоточенный почти исключительно на крупных исторических фигурах, начал постепенно сменяться вниманием к простым офицерам и солдатам. Выход в конце XIX в. многочисленных полковых историй был отражением той же тенденции. Французы, как нация, которую постигла трагедия, искали духовную опору в своей великой истории, причем в истории не только полководцев, но и всего народа. Память о Бородинском сражении теперь оказалась, с одной стороны, «оплодотворена» образами простых офицеров и солдат Франции, наполнена человеческой теплотой, но с другой стороны, - не могла не избежать еще большей мифологизации. Наконец, французская историография Бородина стала утрачивать свою антирусскую и «антиварварскую» заостренность. Для Франции начался поиск стратегического союзника, которым в те годы могла стать только Россия, и это заставляло французов подвергать образы своей исторической памяти заметной корректировке (особенно показательны в этой связи работы А.-Н.Рамбо и

Л.Пинго). В конце XIX в. вышел в свет солидный труд статиста французской армии А.Мартиньена, сделавший доступными данные о потерях среди офицерского состава Великой армии. В начале XX в. документальная база расширилась благодаря публикациям Г.Фабри, А.Шюке, Дерекагэ и Терно-Компана. Тогда же состоялась публикация значительного количества воспоминаний, дневников и писем французских участников событий (мемуары генералов А.-Б.-Ж. Ван Дедема, Ш.-Н. д'Антуара, Ф.-А.Теста, дневники капитанов Ш.Франсуа и Г.Бонне и др.). Однако ни одной исследовательской работы, которая бы обращалась к теме Бородин, издано не было. Публикации документальных материалов, казалось, должны были только подпитывать уже устоявшиеся образы прошлого. Интерес французских историков к кампании 1812 г. и Бородину возродился только во 2-й половине XX в. Историки Л.Мадлен, Ж.Тири, Т.Транье и Ж.Карминьяни, Ф.Уртуль развивали ставшую традиционной для французской историографии картину Бородинского сражения, в основном, как бы иллюстрируя образ «французского» Бородина. Работы К.Грюнвальда, Б.-Ж.Ле Сеньёра и Э.Лакомба, отразившие попытки более критического восприятия событий, смотрелись явным диссонансом на фоне общей героизированной картины.

Важной особенностью «конденсации» исторической памяти немцев о Бородине стал изначальный взгляд на него сразу с трех «точек»: во-первых, тех, кто воевал в составе Великой армии; во-вторых, тех, кто накануне добровольно перешел в русскую армию, оставив, чаще всего, прусскую службу (К.Клаузевиц, Л.Ю.Ф.А.Вольцоген и др.); в-третьих, тех, кто, будучи по языку и во многом по культуре немцем, был с рождения российским подданным и изначально служил в русской армии (К.Ф.Толь, В.Г.Левенштерн и др.). Это предопределило тесное переплетение немецкой историографии Бородина с русской и, отчасти, французской историографией. На протяжении 20 – 30-х гг. XIX в. немцы неизменно сохраняли интерес к эпопее 1812 г. и Бородинскому сражению, уделяя основное внимание в своих работах (книги Р.Бомсдорфа, Бретшнейдера, К.Церрини, Г.Рооса, К.Клаузевица, Ф.Штегера, Ф.Рёдера и др.) решающей роли германских воинских контингентов в сражении, а также неблагодарной забывчивости и «пустому бахвальству французов». Многие немецкие авторы тесно связывали образы памяти 1812 г. с широкой идейно-политической борьбой, которая развернулась в Германии в преддверии революции 1848-1849 гг., обращая внимание на то, что в 1812 г. космополитическая идея объединения Европы столкнулась с пробуждавшимся духом наций. Эта традиция была продолжена и в работах 50-х гг. XIX в. (Г.Байцке, Г.Э.Рот фон Шрекенштайн и др.), в которых нередко оспаривались «поэтические истории» о Бородинском сражении, рожденные французскими авторами. На решающую роль немцев в том, что русская армия все же не была уничтожена под Бородином, указывали Вольцоген и автор биографии К.Ф.Толя Т.Бернгарди. Последний автор оказал большое влияние на представления К.Маркса и Ф.Энгельса о войне 1812 г. и Бородинском сражении. На протяжении 60 – 90-х гг. XIX в. па-

мать о Бородине продолжала оставаться важным формирующим элементом немецкой политической, исторической и военной культуры. Особый акцент в книгах этого времени (воспоминания Ф.Л.А.Меерхайма, К.Зуккова, К.Шеля, К.А.Веделя, работы К.Блейбетрау, М.Дитфурта, К.Остен-Сакена и др.) делался на бессмысленности жертв, понесенных народами германских государств ради интересов французского императора. Наибольшую известность приобрели вышедшие в начале XX в. работы П.Хольцхаузена, со страниц которых вставляла сложная картина взаимоотношений наций в составе Великой армии. После поражения Германии в Первой мировой войне немцы на время отказались от романтически-воинственных оценок событий наполеоновской эпохи. Но с приходом к власти нацистов картина изменилась. 1812 и 1813 годы превратились в прообраз 1933 г., и на страницах ряда изданий (работы Р.Блашке, Е.Бланкенхама и др.) рождалось «гитлеровское» Бородино, наполненное героическими поступками немецких воинов, не имеющих ничего общего с космополитическим духом Запада и рождающих подлинный дух немецкой народной свободы. Военные действия в России, начавшиеся в 1941 г., заставляли немцев проводить прямые параллели с 1812 г., воскрешая образы 130-летней давности. После 1945 г., когда начался путь преодоления немцами трагедии нацистского рейха, события наполеоновских войн продолжали оставаться важной психологической опорой. Однако, если историки ГДР (нередко заимствуя тезисы советских авторов) проводили параллель между предательством немецкими монархами в 1812 г., превратившими своих солдат в пушечное мясо Наполеона, и государственными деятелями Третьего рейха (А.Абуш, Л.Штерн и др.), то историки Западной Германии отделяли честный солдатский профессионализм как 1812, так и 1942 г., от авантюристичности германских политических деятелей начала XIX в. и 40-х гг. XX в. (Г.Риттер, В.Пихт и др.). Своеобразным отражением новой Германии, во многом ставшей интегрированной частью единого Запада, явился выход работ Д.Смита (ранее публиковавшегося под именем О.Пивки), британца, живущего в Германии, и пытающегося связать особенности немецкой исторической литературы о 1812 г. с англо-американской историографической традицией.

Польская историография стала формироваться после поражения восстания 1830-1831 гг. в атмосфере явной романтизации событий 1812 г. Работы С.Богуславского и Р.Солтыка, вышедшие в 30-е гг. XIX в., отличались явной антирусской направленностью и превознесением роли поляков в победе над «московитами» под Бородином. Но окончательное становление традиций «польского» Бородина произошло только в 20 – 30-е гг. XX в. благодаря трудам М.Кукеля. Именно в годы реального возрождения польской государственности образ Бородина был вновь востребован национальным сознанием. Несмотря на демонстративную объективность, Кукель постарался в максимально выгодном свете представить действия поляков, фактически приписав им весь успех Великой армии в сражении 7 сентября. Память о польских героях 1812 г. энергично поддерживалась и в «народной» Польше. Несмотря на то, что поль-

ские авторы 50 – 70-х гг. старались воздерживаться от откровенно антирусских выпадов (С.Ашкенази, Б.Грохульска, Г.Зых и др.), они полностью сохранили подходы и оценки Кукеля. Выход в свет в 1984 г. сборника документов, подготовленного Р.Билецким и А.Тышкой, продолжил эту традицию.

Начало итальянской историографии следует связывать с выходом в 1826 – 1827 гг. книги Ц.Ложье, участника событий 1812 г. Несмотря на очевидное влияние французских работ, на страницах его книги впервые появился итальянский солдат, охваченный духом военного соревнования и стремления к славе. Новое обращение итальянских авторов к образам кампании 1812 г. произошло только в середине XIX в. (Ф.Туротти, Ф.Пинелли), а затем – в 1912 – 1915 гг. (Дж.Капелло, Е.Саларис). Эти работы не внесли чего-то нового в изучение Бородин, но заставляли итальянцев вновь вспомнить о заметной вехе в их истории. В последний раз обращение итальянцев к событиям Бородинского сражения произошло в 1940 г., когда фашистские власти переиздали книгу участника Русской кампании Б.Бертолини, «славного итальянского кондотьера». Фрагментарность интереса, проявляемого итальянскими авторами к истории Бородин, объясняется как слабым развитием национального самосознания в эпоху 1812 г., так и поверхностным влиянием бородинских событий на национальную память жителей Италии.

Национальная память русских о Бородинском сражении основана не на историческом, но космологическом восприятии событий 1812 г. Наиболее рельефно это видно на примере «образа врага» («неприятеля», «противника») в Бородинской битве. Он сыграл ключевую роль в формировании представлений русского человека о себе самом, стал важным элементом национального самопознания и самоидентификации. Особенности русской памяти о Бородине стали складываться еще до того, как произошло сражение. Предстоящий бой воспринимался многими воинами русской армии как некое жертвоприношение, что включало грядущее сражение в круг сакрализированных русских архетипов. К концу сражения в русской армии царило почти полное единодушие в ощущении победы, одержанной над Наполеоном. Однако уже с 1813 г. стали проступать две тенденции в восприятии противника под Бородином: одна – во многом связанная с воинствующим самодержавно-крепостническим патриотизмом (А.С.Шишков, Ф.В.Ростопчин, Я.Деминский и др.), и другая – представленная демократическими и либеральными кругами, воспринимавшими Наполеона и его армию в тираноборческом духе (Ф.Н.Глинка, Д.И.Ахшарумов, П.А.Чуйкевич и др. лица, связанные с «рейхенбахским кружком»). При этом официальная версия Бородин, начавшая складываться благодаря работам К.Ф.Толя, оказалась в значительной мере связана с первой тенденцией. Отличительной чертой официальной версии стало сознательное искажение прошлого при одновременном раздувании антизападнических настроений. К началу 20-х гг. XIX в. вся историография 1812 г. оказалась втиснутой в рамки официально-монархического курса. Работы Д.П.Бутурлина, Н.А.Окунева, Н.Д.Неелова, А.И.Михайловского-Данилевского оказались своеобразным раз-

витиём идей Толя, сознательно завышавшим потери Великой армии, занижавшим свои, и в целом вольно излагавшим события в псевдорусском ключе. Немалую роль в развитии этой тенденции сыграли польские события 1830 – 1831 гг. и празднование 25-й годовщины сражения. Историческая память о Бородине превратилась в миф, своего рода «героическую сказку».

События Крымской войны, а также приближавшаяся 50-летняя годовщина войны 1812 г., заметно усилили интерес к Бородинским событиям. В работе М.И.Богдановича была сделана попытка дать более взвешенную характеристику противнику русских войск. Его книга вызвала критику как со стороны либеральных кругов за угодничество перед правительственными кругами, так и «правых» – за либерализм и преклонение перед иноземцами. В этой атмосфере вышел роман Л.Н.Толстого «Война и мир». Оттеняя русскую победу под Бородином, Толстой представил Наполеона и его армию в пренебрежительном и ироническом виде. Великая армия, как считал автор, проиграла сражение, так как победа могла быть только «в сознании сражающихся».

С 70-х гг. XIX в. берет начало научно-критическое направление (А.Н.Попов, В.В.Верещагин, Н.Д.Дубровин, В.П.Харкевич, К.А.Военский и др.). Однако все отличия этого направления от предшествующей «про-русской» традиции Бородина свелись к тому, что оно делало упор на «объективной» предопределенности поражения Великой армии под Бородином: на обусловленности результатов боя экономическими, общественными и политическими обстоятельствами эпохи. Официально-патриотическая тенденция заметно усилилась к 100-летию юбилею 1812 г. В.А.Афанасьев, А.В.Геруа, Н.П.Михневич, Б.М.Колюбакин и др. безосновательно завышали потери неприятельской армии и откровенно искажали обстоятельства боя в пользу русских. Этой тенденции пытались противостоять Н.П.Поликарпов, А.П.Скугаревский и А.И.Витмер.

С началом советской эпохи до середины 30-х гг. XIX в. почти безраздельно стала господствовать концепция М.Н.Покровского, отличавшаяся уничижительным отношением к русской армии. «Русское» Бородино усиленно вычеркивалось из национальной памяти. Но во 2-й половине 30-х гг. ситуация резко изменилась: советская власть, подталкиваемая внешней опасностью и готовившая массовые репрессии внутри страны, попыталась найти точки опоры в русском патриотизме, реанимировав не только «буржуазные», но и «дворянские» концепции Бородина. Это нашло отражение в работах А.А.Свечина, Н.А.Левицкого, Е.В.Тарле и др. Общим в этих работах был вывод о стратегической победе русских войск. Такого рода трактовка Бородина еще более усилилась в годы Великой Отечественной войны (работы А.В.Предтеченского, Б.Каца, Б.Соколова и др.) и сразу после войны (работы Н.М.Короткова, П.А.Жилина, Н.Ф.Гарнича, С.И.Кожухова и др.). Над закреплением безоговорочного тезиса о полной русской победе под Бородином активно работал на протяжении многих лет Л.Г.Бескровный. В конце 60-х гг. некоторую корректировку внес П.А.Жилин, соглашавшийся с тем, что Бородино нанесло смер-

тельный удар по Великой армии, но оспаривавший то, что это обеспечило коренной перелом в ходе всей войны. Только с 1988 г., с выходом работы Н.А.Троицкого «1812. Великий год России», псевдо-патриотическая традиция стала постепенно уходить в прошлое. Причем, признавая за французами материальную победу, Троицкий оставлял за русскими победу «в моральном и даже в политическом отношении». Задачу пересмотра многих стереотипов в освещении Великой армии под Бородином в 1980 – 1990-е гг. продолжили А.А.Васильев, А.И.Попов, О.В.Соколов, Л.Л.Ивченко, В.Н.Земцов и др. Их работы отличает стремление вырваться из цепких объятий «национальных мифов» и комплексное использование наряду с русскими зарубежных источников.

Британская и американская историография демонстрируют пласт исторической памяти тех народов о Бородине, которые в сражении не участвовали. Эти народы предлагают своего рода взгляд со стороны на историю сражавшихся под Бородином армий. В Британии, которая была жизненно заинтересована в поражении войск Наполеона в России, заметный интерес к Бородинскому сражению сохранялся на протяжении 1812 – 1815 гг. В эти годы были изданы работы Дж.Хемингуэя, Дж.МакКвина, Р.К.Портера, которые, впрочем, были поверхностны. По этой причине основоположником британской традиции изучения Отечественной войны 1812 г. принято считать В.Скотта, опубликовавшего в 1827 г. «Жизнь Наполеона Бонапарта», и пытавшегося дать вполне взвешенную картину Бородина, по достоинству оценивая усилия обоих противников. Он же привлек внимание к эмоционально-психологическому фактору, во многом предопределившему исход сражения. Последний момент нашел развитие в работах А.Алисона и Дж.Каткарта. В 1860 г. была опубликована работа Р.Т.Вильсона, бывшего британским комиссаром при Главной квартире русской армии в 1812 г., в которой автор высоко оценил действия как русских, так и французских войск. Однако главную роль в поражении Наполеона в России сыграло, по его мнению, не Бородино, но «вялость неприятеля». Все выходившие в Британии на протяжении нескольких последующих десятилетий работы (Ч.А.Файфа, Х.Д.Хатчинсона, Р.Дж.Бартона и др.) фактически повторяли выводы Вильсона. И все же, несмотря на отсутствие оживленных дискуссий о Бородине в британской историографии, его образы прочно держались в памяти британцев. В преддверии Первой мировой войны и в ее ходе представления англичан о стойкости русских были важным фактором доверия к России как к союзнику. Однако в межвоенный период интерес в Британии к войне 1812 г. заметно угас, и только в 1950-е гг., уже в условиях «холодной войны», англичане вновь вспомнили о походе Наполеона в Россию. В книге У.Джексона (1957) исследовалась природа «русской силы». В 1966 г. вышло фундаментальное издание Д.Чандлера «Кампании Наполеона», в котором автор уделил значительное внимание событиям 1812 г. и Бородину. Подход Чандлера отличал взвешенный военно-исторический анализ событий, учет воздействия политических и «человеческих» факторов, стремление к объективности в оценке

действий противоборствующих сторон. Книга отразила важный процесс ухода из британского сознания наполеонофобии и замещение ее до некоторой степени восторженным отношением к Наполеону. Эти черты книги Чандлера получили развитие в работах А.Палмера, Р.Ф.Делдерфилда, Э.Бретт Джеймса. Наиболее пристально исследовал события Бородин К.Даффи (1972), проявив критический интерес к источникам, в том числе и русским. Стремлением через исследование военного мундира проникнуть в «человеческий» контекст эпохи отличались работы Ф.Дж.Хэйтонтунгута и О.Пивки. В работе П.Бриттен Остина (1993) на основе талантливой переработки почти 100 воспоминаний участников Русского похода удалось представить эмоционально-психологическую атмосферу, в которой пребывала Великая армия в период Бородинского сражения. Последней по времени выхода в свет является книга Д.Смита, англичанина, живущего в Германии, в которой он широко привлек немецкие и, в меньшей степени, русские материалы. В целом, британская историография демонстрирует высокую степень беспристрастности и готовность воспользоваться широкой документальной базой вне зависимости от ее национального происхождения. Тем не менее, британские авторы совершенно игнорируют неопубликованные материалы, а нередко обходят решение спорных вопросов, предпочитая избегать критического взвешивания всех «за» и «против».

В США, несмотря на заметный интерес к Русской кампании в период наполеоновских войн, заметного внимания к 1812 г. и Бородину не проявлялось вплоть до конца XIX в. На рубеже XIX – XX вв. были изданы работы В.Слоона, Х.Джонса, Е.Фурда и Х.Беллока. Они не отличались оригинальностью, повторяя фактологический материал книг британских авторов. Элементы новизны были только в работе Т.Доджа, который делал вывод о поражении русских при Бородине, так как они оставили поле боя, но указывал, что и для французов это была «пиррова победа», что означало провал всей кампании. Работы, выходившие в США вплоть до 80-х гг. XX в. (Л.Страховского, Л.Яреша, В.Дж.Эспозито и Дж.Р.Элтинга), не внесли чего бы то ни было нового. Только в 1985 г. К.Кэйт опубликовал оригинальное исследование, где на основе обширного комплекса опубликованных документов (в том числе и русских) заострил внимание на роли под Бородином случая, который зависел как от характера взаимоотношений отдельных людей, так и от трудно объяснимого стечения обстоятельств. На рубеже 80 – 90-х гг. XX в. вышли работы Дж.Нафзигера и Р.К.Рьена. Если книга первого автора отличалась отсутствием критического анализа источников и чисто «механическим» изложением событий, то Рьен смог дать характеристику качественного состояния «человеческого материала» Великой армии и попытался оценить возможные последствия введения Наполеоном в бой гвардии. В целом, интерес американцев к Бородину проявлялся эпизодически, явно повысившись к середине XX в. в связи с идеей сверхдержавности. Американская историография оказалась во многом связанной с британской традицией, восприняв ее как положительные (стрем-

ление к известной беспристрастности), так и негативные (пренебрежение масштабным использованием первоисточников) качества.

Таким образом, историографические традиции каждой нации, во многом ставшие отражением их исторической памяти о Бородинском сражении, являются собой в значительной степени национально-замкнутые интерпретации событий прошлого.

Во второй главе диссертации «Армия Наполеона и ее солдат: человеческое измерение социального организма» исследуется происхождение и особенности функционирования Великой армии как системы сложных механизмов социального, культурного и психологического порядка, рассматриваются социокультурные установки наполеоновского солдата.

Происхождение Великой армии Наполеона уходит во времена Старого порядка, когда стала отрабатываться своеобразная модель принуждения – стимулирования человека. Главный смысл этой модели состоял в установлении тонкой взаимосвязи между отдельными мельчайшими составляющими военной машины, учреждением ежеминутного надзора за поведением людей и развитием в них «автоматизма привычки» (М.Фуко). Все это шло параллельно с распространением идей свободы, которые причудливо переплетались с проектами идеально дисциплинированного общества. Появление массовой общенациональной армии в годы Революции и учреждение системы конскрипции создали благоприятные условия для полной реализации возникших ранее тенденций. Наконец, к началу XIX в. французская армия своеобразно совместила идеологию мессионизма, связанную с идеями Просвещения и культом нового государства, с ярко выраженным национальным чувством.

Анализируя систему комплектования и состав Великой армии, вторгшейся в Россию, автор пришел к выводу, что к 1812 г. армейский организм как никогда играл роль амортизатора социальных катаклизмов, удаляя из самой Франции опасный «человеческий материал» и находя ему «рациональное применение» в далекой России. В этой связи качество нового пополнения частей Великой армии к 1812 г. заметно упало. Возникли трудности и с замещением офицерских должностей. Однако в силу «естественной убыли», под Бородином все же оказались лучшие войска Франции и Европы.

Великая армия 1812 г. была своеобразным прообразом той Единой Европы, которую пытался создать французский император. Несмотря на преобладание в исторической литературе скептического отношения к наполеоновскому варианту европейского объединения, автор полагает важным более взвешенно оценивать роль в ее крахе «превходящих» факторов, связанных с воздействием военного поражения 1812 г. Политические, социальные и военные аспекты жизнедеятельности наполеоновской империи оказались настолько тесно спаяны между собой, что военная победа в 1812 г. могла завершиться появлением Единой Европы. При этом, как полагал Наполеон, в условиях «всеевропейской» войны против «русских варваров» неизбежно должен был рождаться дух Единой Европы. Если брать собственно национальный, но не формально-

государственный критерий, то в составе боевых частей пехоты и кавалерии Великой армии на Бородинском поле было 116 французских батальонов и 150 эскадронов, тогда как из неприродных французов было сформировано 76,5 батальонов и 158 эскадронов. Следовательно, нефранцузы составили 39,7% пехоты и 51,3% кавалерии. При этом воинские части и контингенты разного национального состава были так распределены в Великой армии, что должны были не только наиболее эффективно взаимодействовать друг с другом на поле боя, но и формировать многочисленные и разнообразные социальные и психологические структуры, развивавшиеся в условиях военных действий. Существование своеобразной «национальной политики» в армии подтверждается как эффективностью действий «национальных» частей на Бородинском поле, практика награждений за сражение, так и анализом переписки солдат Великой армии 1812 г.

Вместе с тем, автор выявил и те элементы военной политики, которые создавали напряженность в сфере межнациональных взаимоотношений. Так, обращение к письмам солдат Великой армии позволило выявить очень своеобразный канал воздействия, способствовавший разъеданию многонационального организма, - слухи, циркулировавшие среди гражданского населения разных частей Империи, и проникавшие посредством переписки в среду наполеоновских солдат, бывших в России. В целом же, война с Россией вызвала необходимость таких гигантских усилий как со стороны чинов Великой армии, так и всего организма Империи, что это не могло не вызвать напряжений и даже разрывов в пока еще только возникавшей структуре многонационального единства наполеоновской Европы. Однако к моменту генеральной битвы под Москвой многонациональная Великая армия была еще сильной и сплоченной, хотя и больной изнутри.

В диссертации подробно анализируются социальные структуры Великой армии, особенности взаимоотношений внутри нее между Человеком и Властью. Внимание автора привлечено как к системе преобразования инстанций внешнего контроля в механизмы внутреннего самоконтроля человека (к структурам, связанным с адаптацией новобранца, наказаниями и поощрениями), так и к реально функционировавшим структурам внутренних связей в среде рядового и офицерского состава. Автор выявил высокую степень эффективности «обработки» «человеческого материала» Великой армией как в отношении солдат, так, особенно, и в отношении офицеров. Та часть офицерского корпуса, которая оказалась под Бородином, представляла собой прочную корпорацию военных, слившихся друг с другом не только через служебные, но и родственные связи. Вместе с тем, автор попытался показать «разрывы» в социальной ткани армейского организма, начинавшие проявляться к 7 сентября 1812 г., а также воздействие обстоятельств личного характера на девиантное поведение в день Бородинского сражения чинов армии (на примере поведения генералов О.Ж.-Г.Коленкура и Ж.-А.Жюно). На основе анализа писем из Русской армии автор пришел к выводу об отсутствии явной оппозиции в армейских кругах Режиму,

что, однако, не могло гарантировать ему абсолютной безопасности. Последнее обстоятельство заставляло Наполеона особенно полагаться на гвардию, что, во многом, и предопределило отказ от использования ее в день Бородинского сражения.

Осознавая высокую степень воздействия различного рода микроструктур частного характера на социальные процессы, протекавшие в теле Великой армии накануне, в день и сразу после Бородина, автор обратился к элементам физической и ментальной жизни наполеоновского солдата. Так, после детального анализа характера и особенностей питания различных чинов армии во время Русского похода, делается вывод о парадоксальной роли фактора голода в день Бородинского сражения, когда солдат, поставленный перед выбором победить или умереть, оказался склонным к различного рода аффективным действиям. Последовательно рассматриваются особенности маршей, ночлегов, биваков, одежды, медицинского обеспечения и личной гигиены применительно к Русской кампании; выявляется роль этих факторов в поведении бойцов Великой армии в период Бородинского сражения.

Рассмотрев структуры повседневности, автор переходит к ментальной и чувственной заданности поступков наполеоновских солдат. Раскрывая такую категорию, как «солдатская честь», автор выявил сложный характер ее составляющих: с одной стороны, она была связана с наследием Революции, раскрепостившей национальный дух Франции, но с другой стороны, стала продуктом Власти, пытавшейся контролировать и использовать пробудившуюся энергию народа ради воплощения ее в институтах нового рационально-организованного государства и общества. Важной основой формирования категории «военная честь» было систематическое разжигание в солдатах чувства соперничества, питаемого «опиумом военной славы». Остановившись на особенностях проявления такого понятия, как «солдатская дружба», автор показал существенные различия, существовавшие во взаимоотношениях между солдатами и офицерами «национальных» частей армии и французских частей. В диссертации затронут важный вопрос о характере воздействия на формирование морально-психологических качеств наполеоновского солдата различного рода ритуалов и символов, не только широко культивировавшихся Властью, но и возникавших, в значительной степени, самостоятельно. Проанализирована роль таких категорий, как «религия», «суеверия», «культ Императора». Выявлена сложная взаимосвязь осколков католической веры, культа Верховного Существа и различных суеверий, созданных самими обстоятельствами военного быта наполеоновской армии. Прослеживается роль культа Императора в плане поддержания высокого эмоционального настроения солдат Великой армии накануне и в день Бородинского сражения, а также начало его трансформации на последующих этапах Русской кампании. Делается вывод, что реальная десакрализация фигуры императора в глазах чинов армии стала интенсивно происходить не в результате Бородина, но после московского пожара и утраты надежд на заключение мира.

Рассматривается социальная и социо-культурная роль в жизнедеятельности Великой армии таких категорий, как «язык», «песни», «музыка» и «фольклор»; вскрываются механизмы использования этих сфер Властью в целях воздействия на внутренний мир чинов армии. Уделено внимание тому, как началось формирование в солдатской и офицерской среде легенд и слухов о Бородинском сражении после его окончания. На основе частной корреспонденции прослеживается воздействие, которое оказали воспоминания о родных и близких на моральное состояние и поступки чинов Великой армии накануне, во время и сразу после сражения.

Анализируя представления чинов наполеоновской армии о смерти, автор выделил два типа людей: люди первого типа, как правило, принадлежали к дворянской знати Первой империи и культивировали искусство «правильно умирать»; люди второго типа (чаще всего, выходцы из низших и средних классов) были менее подвержены экзальтации и рыцарским порывам, но и они демонстрировали высокую психологическую стойкость перед лицом смерти. Последнее обстоятельство объясняется двумя причинами: тем, что фаталистическое равнодушие к смерти на рубеже XVIII – XIX вв. все еще было широко распространено среди народных масс Западной Европы, и тем, что общий эмоциональный подъем эпохи смог пробудить героическое начало и в простых французских солдатах. Рассматриваются конкретные примеры отношения к смерти чинов Великой армии накануне, во время и после Бородинского сражения.

Подводятся следующие итоги. Великая армия Наполеона являла собой не только великолепно отрегулированный военный организм. Она была центральным элементом целого мира, который возник во Франции после Революции на стыке общества традиционного и общества индустриального. Функционирование этого мира обеспечивали в значительной мере военные структуры, перерабатывая человеческую массу, которая во многом была еще носителем традиционной культуры, в новый человеческий материал, объединенный как чувством корпоративного братства, так и чувством принадлежности к целой нации. Сами механизмы обработки человека, связанные с развитием образцов военизированного общества Римской республики, возникли еще в эпоху армии Старого порядка, но только в наполеоновское время на основе конскрипции произошло соединение общекрестьянской культуры с либеральными и революционными образцами. Крестьянин, подчиняясь армейской дисциплине, которая нередко воспринималась как своего рода замена отцовской власти, получал своеобразную свободу, приобщавшую его к новой жизни и новым ценностям. Великая армия, имея в своей основе армию Франции, явно претендовала на универсальный общеевропейский характер. Она являлась своеобразным прообразом той Единой Европы, контуры которой к 1812 г. стали уже четко проступать. Несмотря на спорный характер принципов, лежавших в основе формирования наполеоновской империи, общая тенденция к интеграции европейского континента при изоляции России проступала достаточно ясно. Удач-

ное для Наполеона завершение войны с Россией вполне смогло бы нейтрализовать те негативные тенденции, которые работали на распад наполеоновской империи.

К 1812 г. наполеоновская военная машина была высокоэффективным и хорошо отлаженным социальным организмом, располагая мощными регуляторами воздействия как на внешнее поведение человека, так и на его внутренний мир. Прочно укоренившиеся ценностные и поведенческие стереотипы делали поведение основной массы бойцов на поле боя исключительно эффективным, сочетавшим в себе готовность к беспрекословному подчинению с личной инициативностью того уровня, который определялся местом в армейской иерархии.

Вместе с тем, Великая армия представляла собой отнюдь не статичный, но постоянно изменяющийся многоуровневый организм, различные элементы которого, взаимодействуя друг с другом, находились в состоянии постоянного развития и саморазвития. К 1812 г. в армейских структурах различного уровня шел постоянный процесс накопления отклонений от идеально заданной нормы. Тяготы начавшегося русского похода не могли не усилить эти флуктуации, приближая Великую армию ко времени Бородинского сражения к своего рода критической точке. Солдат сражался на пределе своих физических и психических возможностей.

Великая армия и ее бойцы смогли выдержать тяжелейшее испытание Бородина. Однако надежды на завершение кампании, которые придавали силы наполеоновскому солдату в день сражения, оказались неосуществленными. Пожар русской столицы и отказ Александра I от переговоров о мире, а затем и страшное отступление, отягченное непривычным климатом, привели к краху ожиданий солдат Наполеона и к усилению процесса внутреннего распада как самого армейского организма, так и системы всего наполеоновского господства. Могло ли Бородинское сражение иметь для наполеоновской армии иные, более благоприятные последствия, которые бы в значительной степени нейтрализовали основные процессы внутреннего кризиса и усилили тенденцию к сплочению и укреплению ее жизнеспособности? Материал 2-й главы позволяет утверждать, что это было вполне вероятно, и зависело не только от макропроцессов «объективного» кризиса наполеоновского господства в Европе, но и от процессов на микроуровне, являвшихся результатом как случая, так и воздействия проявления воли и эмоционально-психологического настроения отдельных акторов великой драмы 1812 г.

В третьей главе «Великая армия в Бородинском сражении: микроисторическое измерение» избран максимально возможный крупный масштаб рассмотрения событий одного дня. Это дало возможность увидеть своеобразие и неповторимость, а часто непредсказуемость, поступков отдельных людей в конкретный час (нередко, минуту) и в конкретном месте. На основе опубликованных им ранее материалов, автор утверждает, что ко времени Бородинского боя Наполеон все еще располагал достаточными силами и средствами (к 5 сентяб-

ря в строю могло быть около 133 тыс. пехоты и кавалерии) для достижения решительной победы. Однако соотношение их с силами и средствами противника приближалось к точке равновесия. В связи с этим Бородино стало таким столкновением, в котором инициатива, воля, всплеск энергии у главнокомандующего, начальников и отдельных бойцов, а нередко и случайное стечение обстоятельств, могли иметь решающее значение для исхода великого события. Бородино стало точкой бифуркации, предопределяющей течение истории по тому или иному руслу.

На основе совмещения источников общего, военно-исторического и личного характера, автор подробно представил расположение французских войск днем 6 сентября, морально-психологический настрой солдат и главнокомандующего, их физическое состояние, представления о противнике, планы на предстоящее сражение. Обзор размещения корпусов Великой армии к утру 6 сентября позволяет предположить, что Наполеон не был окончательно готов к тому, чтобы в тот же день начать генеральное сражение: предстояло подтянуть два армейских корпуса, один кавалерийский корпус и резервную артиллерию, а также выяснить намерения противника. Однако направление главной атаки французами русских позиций стало уже определяться: бой за Шевардинский редут 5 сентября создал условия для давления на левый фланг неприятеля. Реконструировав ход двух рекогносцировок Наполеона, проведенных 6 сентября, автор выявил последовательность формирования деталей окончательного плана на сражение. Информацию о поражении французских войск в Испании, подробный отчет о котором был получен после первой рекогносцировки, Наполеон предпочел пока в расчет не принимать. В целом, император точно оценил характер местности, расположение русских войск, а также их численность (120 – 130 тыс. регулярных сил). Численность войск Великой армии на 6 сентября можно оценивать в 126 – 127 тыс. строевых чинов при 584 орудиях. Отказ от обхода южного фланга русских войск, что было предложено маршалом Л.-Н.Даву, объяснялся не только соображениями военного характера, но и все более обострившимся состоянием напряженности и неуверенности, в которое погружался Наполеон. В течение 6 сентября состояние его здоровья заметно ухудшилось.

Активные рекогносцировки, проводившиеся частями Великой армии 6 сентября, особенно разведка боем, предпринятая войсками 5 (польского) корпуса на южном фланге, заставили русское командование учесть возможность обхода Багратионовых «флешей» с юга.

Морально-психологическое состояние бойцов Великой армии накануне генерального сражения было высоким. Наиболее восприимчивые и рыцарственные натуры (генералы Л.-П.Монбрён, О.Ж.-Г.Коленкур, полковник Дезира и др.), которые предчувствовали свою смерть, испытали высокий эмоциональный подъем и проявили готовность к проявлению героической жертвенности. Отношение к противнику оставалось высокомерно-пренебрежительным. Для анализа хода самого сражения избраны два ключевых события – бой за Семе-

новские высоты и битва за Курганную высоту («большой редут», «батарею Раевского»).

В результате скрупулезного сопоставления мельчайших деталей сражения за Багратионвы «флеши» и д.Семеновское, автор пришел к выводу о том, что реальный ход и результативность боя за Семеновские высоты значительно отличались от изначальных расчетов Наполеона. Это было вызвано не только ожесточенным сопротивлением русских, что в значительной степени уравнивалось отчаянной отвагой французов и их союзников, но и рядом других обстоятельств. Во-первых, сказалась недостаточная согласованность в действиях войск 1-го корпуса Даву с другими соединениями. Начальник 5-го корпуса генерал Ж.-А.Понятовский, от которого ожидали более успешных действий, не смог в срок выполнить поставленную перед ним задачу. Вследствие этого войска Даву не только должны были вести интенсивный бой с русскими стрелками в Утицком лесу, но и не смогли совершить захождение влево своим фронтом. Для исправления ситуации в Утицкий лес пришлось направить части вестфальцев, и это окончательно лишило войска Даву и маршала М.Нея (3 и 8-й корпуса) каких бы то ни было пехотных резервов. Поэтому в 10 часов Наполеон был вынужден задействовать дивизии генералов Л.Фриана и М.-М.Клапареда, а И.Мюрат бросил в бой почти всю тяжелую кавалерию резерва, действия которой не могли быть столь эффективными, как на то первоначально рассчитывали. Во-вторых, хотя 5-й дивизии генерала Ж.-Д.Компана и удалось сразу захватить южный люнет, но отстоять его в одиночку оказалось практически невозможно. Большая часть сил как 5-й, так и 4-й дивизии генерала Ж.-М.Дессе была отвлечена на борьбу в Утицком лесу и на опушке леса. Поэтому войскам Нея пришлось изменить первоначальное направление своей атаки и броситься на помощь 5-й дивизии. Вообще, хотя дивизия Компана и имела опыт во взятии вражеских укреплений, но была значительно ослаблена в предыдущих боях, следуя в авангарде, а затем 5 сентября сражаясь за Шевардинский редут. В-третьих, русские смогли достаточно быстро перебросить свои войска с соседних участков в район Семеновских укреплений. Французы не смогли создать в этом пункте решающего превосходства сил и раздавить противника. Хотя и с большими потерями, русские парировали все удары, сами постоянно бросаясь в контратаки. Несмотря на то, что переброска русских войск на этот участок обнажала другие пункты их боевой линии, французы не сумели этим воспользоваться. В-четвертых, на ход боевых действий оказало влияние целое море частных факторов. Так, если Компан и Дессе, благодаря подходу к рубежу атаки через Утицкий лес смогли до некоторой степени уберечь своих солдат от чрезмерных потерь, то это одновременно вызвало и проблемы – некоторую дезорганизацию строя и необходимость отвлечь силы для малоэффективной борьбы с русскими егерями. К частным факторам можем отнести и то, что большинство начальствующего состава дивизий Даву уже в начале боя было выведено из строя. Хотя это и не привело к большой дезоргани-

зации дивизий, но несомненно вызвало заметный беспорядок и ослабило энергичность действий.

В ходе детальной реконструкции хода битвы за Курганную высоту автор выявил и попытался решить множество спорных вопросов, существующих в историографии: от характера укреплений, представлявших собой «большой редут», численности боровшихся войск, и до вопроса о том, в результате каких событий произошел окончательный захват батареи Раевского. Существование в литературе трех версий («французской» версии, отдающей пальму первенства кирасирам О.Ж.-Г.Коленкура; «немецкой» версии, настаивающей на приоритете саксонских кирасир; версии, связывающей захват «редута» с действиями войск Е.Богарне) во многом обусловлено как сложностью перипетий боя, так и воздействием «ловушек» исторической памяти разных наций. Автор пришел к выводу, что несмотря на героизм и самопожертвование атакующих, взятие «большого редута» не решило главной задачи, стоявшей перед Наполеоном, — расстроить и разбить русские войска. Перед началом сражения, отказавшись от идеи глубокого обхода, император избрал фронтальный характер боя, ставя главной целью не отбросить, а разгромить русскую армию. Ценою больших жертв, окончательно расстроив резервную кавалерию и использовав часть гвардии, он захватил Курганную высоту в центре, но так и не смог разбить русские линии и выйти на Большую Московскую дорогу. Русская армия отодвинулась, сохранив за собой главную коммуникационную артерию. В ходе Бородинского сражения роль захвата «большого редута» в планах Наполеона менялась. Если первоначально захват укрепления рассматривался только как элемент (причем не самый первостепенный) главного удара, то позже «редут» превратился в основной объект атаки. К этому времени Наполеон мог располагать для атаки высоты только 20 тыс. пехоты, поэтому ему и пришлось задействовать массы резервной конницы, чем, кстати, и было вызвано то необычное использование тяжелой кавалерии, при котором она была брошена штурмовать «редуты». Наполеон так и не смог сосредоточить у Курганной высоты силы и средства, которые бы превосходили силы и средства противника. В ходе первой атаки батареи у французов было не более 18 тыс. пехоты и примерно 138 орудий (кавалерия вовсе не была задействована), в то время как у русских было 15—18 тыс. пехоты, 1,5 тыс. кавалерии и 197 орудий. Решительный штурм «большого редута» Наполеон провел, бросив в бой около 20 тыс. пехоты, 10 тыс. кавалерии и 200 орудий. Русские располагали 27 тыс. пехоты, 6 тыс. кавалерии и более чем 200 орудий. Успех был достигнут заметным перевесом в кавалерии и более удачным использованием артиллерийских орудий, которые вели концентрический и анфилирующий огонь по русским порядкам. Большую роль сыграло и отчаянное самопожертвование солдат, офицеров и генералов Великой армии. Разветвленная и эффективная система мотивации действий солдата, созданная Первой империей, в часы решающей борьбы за батарею Раевского показала себя блестяще. Однако развить достигнутый успех армия уже

не могла. Кавалерийские атаки к востоку от высоты, без решительной поддержки пехоты, оказались малоэффективными.

Подробное рассмотрение хода битвы на основных пунктах позволили выявить высокую степень воздействия на исход событий поступков отдельных военачальников, офицеров и даже рядовых солдат. Многие действия бойцов Великой армии, находившихся под мощным воздействием боевой обстановки, оказались далеко не всегда осмысленными, но выполненными либо под влиянием внутренних рефлексов, внедренных в физиологию человека армейскими механизмами, либо же вообще совершенными под воздействием не поддающихся учету внешних и внутренних импульсов. Взгляд на одни и те же эпизоды сражения с разных точек, в том числе и со стороны русских, помог понять и объяснить многочисленные различия в интерпретации хода сражения, которые существуют не только в рамках национальных историографий, но и внутри них.

Несмотря на очевидный успех, который французские войска одержали к концу дня на всех участках фронта, где они атаковали, развить этот успех они не могли. Организм Великой армии, как физическое, так и психологическое состояние наполеоновских солдат, были на пределе возможностей. Единственной силой, которая могла бы довершить разгром противника, была Императорская гвардия. Проведя подробное исследование вопроса о состоянии гвардии, степени ее участия в сражении и поведении самого Наполеона, автор сделал вывод о решающих последствиях для исхода Бородинской битвы двух обстоятельств. Во-первых, Наполеон, как главнокомандующий, не обеспечил должной скоординированности в действиях руководимой им армии, а, во-вторых, он отказался от введения в бой в наиболее решительный момент сражения основной части гвардейского резерва. Объяснение столь серьезных для главнокомандующего просчетов носит комплексный характер, а именно: 1. Явно сказалось физическое и эмоциональное состояние Наполеона, предопределенное общей усталостью, обострением целого комплекса болезней, падением жизненного тонуса и притуплением той способности к неожиданному озарению, которое отличало его ранее как военного гения. 2. Наполеон (впрочем, как и вся армия) психологически не был готов к столь упорному и ожесточенному сражению, каким оказалось Бородинское. В этом проявилась недооценка Наполеоном противника в предшествующий генеральному сражению период войны. Поэтому к концу дня 7 сентября Наполеон, изумленный стойкостью русских и небывало малым числом пленных, был уже склонен переоценивать степень прочности русской обороны. 3. 7 сентября Наполеон был вынужден принимать решения не только как военачальник, но и как император. Известия об испанских событиях, полученные им накануне, обострили чувство тревоги за дела Империи. В этой связи сохранность императорской гвардии виделась ему гарантом политической прочности всей Империи и престола. 4. В ходе самого сражения все более укреплялась надежда императора на возможность заключения мира в Москве даже при условии не полного разгрома русской ар-

мии. Впрочем, наряду с этим, Наполеона не оставляла мысль и о том, что придется давать еще одно сражение, прежде чем удастся вступить в Москву. Это тем более удерживало его от решительного шага использовать 7 сентября императорскую гвардию.

Вступление в Москву убедило солдат наполеоновской армии в скором подписание мира и подтвердило оценку ими Бородинской битвы как великой победы. Именно в Москве началась «конденсация» памяти чинов Великой армии о Бородинском сражении. Контент-анализ 256 писем, отправленных из главных сил в период с 7 сентября по 18/19 октября 1812 г., позволил выявить основные темы, наиболее волновавшие чинов армии. До октября армия была озабочена, прежде всего, потерями, понесенными под Бородином. Однако сопоставление своих потерь с более значительными потерями противника неизменно убеждало наполеоновских солдат в их бородинской победе. Тем не менее, поразительно малое число пленных, готовность русских продолжать борьбу и, особенно, московский пожар, вызывали в солдатах Великой армии все более усиливавшееся беспокойство. При этом пожар русской столицы они связывали почти исключительно со своего рода природной стихией – «русским варварством», не признающим цивилизованных форм борьбы. В первой половине октября тематика писем заметно меняется. Адресанты все более говорят о наступлении холодов; большое место стали занимать строки о ранах и болезнях, а воспоминания о понесенных боевых потерях отошли на второй план. То, что Бородинское сражение само по себе не нанесло смертельного удара по моральной стойкости солдат армии Наполеона, свидетельствует и анализ писем на предмет эмоционального настроения их авторов. Распределение 615 писем, написанных до Бородина (23 письма), между 7 и 30 сентября (93 письма), между 1 и 18/19 октября (162 письма) и между 20 октября и 30 ноября (337 писем) по эмоциональному настрою их авторов на три группы позволило сделать вывод о достаточно высоком уровне морального духа чинов Великой армии вплоть до середины октября 1812 г. Великая армия считала, что только природная стихия, воплотившаяся вначале в образах «русских варваров», поджигавших свою столицу, а затем в жестоких морозах Севера, заставила ее отступить.

Подводятся также и «материальные» итоги Бородина для Великой армии: потери убитыми и ранеными, расход боеприпасов, производится сопоставление с потерями противника. Приняв в расчет различные варианты подсчета потерь Великой армии, автор допустил возможность оценки потерь наполеоновской армии в 38,5 тыс. человек за 5 – 7 сентября 1812 г. убитыми и ранеными. При сравнении потерь под Бородином среди офицерского состава с сопоставимыми цифрами по периоду всей Русской кампании автор сделал вывод о том, что в битве при Москве-реке число убитых и раненых составило 20,7% от кровавых потерь среди офицерского состава за всю кампанию. Значительно большее количество потерь, понесенных убитыми и ранеными русской армией (по наиболее убедительным цифрам, около 50 тыс. строевых чинов) объясняется целым рядом обстоятельств: более высокой эффективностью действий

французской артиллерии, более эффективным применением стрелкового огня, большим количеством новобранцев в рядах русских войск, близким расположением к передовым позициям резервных русских линий и т.д. Однако главная причина значительной разницы в количественных показателях потерь русских и французов связана с фактом столкновения на Бородинском поле не просто армий, но двух, нередко противоположных, социокультурных миров, по-разному организованных применительно к характеру использования «человеческого материала». При всем цинизме в отношении «пушечного мяса» европейской армии, нельзя не признать, что его использование было более эффективным, чем у русских.

В заключении сделаны обобщения и выводы по разработанным проблемам исследования. Автор пришел к следующим основным положениям:

- война 1812 г. оказала сильнейшее воздействие на ряд базовых цивилизационных ценностей европейских народов; представления о Русской кампании, став национально-ориентированными, подвергли заметной деформации образы событий 1812 г., предопределив своеобразие всех историографических традиций в освещении Бородинского сражения; особую роль сыграла память о войне 1812 г. и Бородинском сражении в плане формирования единой западноевропейской целостности, определяя общие пространственные, природные, ландшафтные, моральные и даже темпоральные представления западноевропейского человека;

- на протяжении почти 200-летней истории сохранения и трансформации памяти о Бородине каждая нация, участвовавшая в сражении, формировала и развивала как правило мифологизированные образы этого исторического события; данное обстоятельство было предопределено, во-первых, реальной эмоционально-чувственной атмосферой, ощущавшейся нацией в тот момент истории, который теперь подвергался мифологизации; во-вторых, жизненной необходимостью для нации опереться в своем самосознании на ряд исторических мифов, сохраняющих для нее прошлое;

- Великая армия Наполеона представляла собой центральный элемент целого мира, который возник во Франции на стыке общества традиционного и общества индустриального; функционирование этого мира в значительной степени обеспечивали военные структуры, которые перерабатывали человеческую массу, во многом носителя традиционной культуры, в новый человеческий материал, объединенный чувством принадлежности к целой нации; Великая армия являлась своеобразным прообразом Единой Европы, возникавшей под эгидой Наполеона;

- Великая армия создала сложную и разветвленную систему социо- и психовласти, в рамках которой происходило соединение общекрестьянской культуры с либеральными и революционными образцами; прочно укоренившиеся в наполеоновском солдате, благодаря воздействию различного рода регуляторов, ценностные и поведенческие стереотипы делали поведение основной массы бойцов на поле боя исключительно эффективным, сочетавшим в себе готов-

ность к беспрекословному подчинению с личной инициативностью того уровня, который определялся местом человека в армейской иерархии;

- Великая армия представляла собой отнюдь не статичный, но постоянно изменяющийся многоуровневый организм, различные элементы которого, взаимодействуя друг с другом, находились в состоянии непрерывного развития и саморазвития; к 1812 г. в армейских структурах различного уровня шел постоянный процесс накопления отклонений от идеально заданной нормы; тяготы начавшегося Русского похода усилили эти флуктуации, приближая Великую армию ко времени Бородинского сражения к критической точке процесса внутреннего распада ее социальных структур;

- солдат Великой армии сражался в день Бородинского сражения на пределе своих физических и психических возможностей; чины Великой армии смогли достойно выдержать тяжелейшее испытание Бородином, во многом, благодаря убежденности в близком окончании всей кампании; однако эти надежды после начала пожара Москвы все более стали казаться неосуществимыми, что и усилило процессы внутреннего распада как самого армейского организма, так и всей системы наполеоновского господства в Европе;

- ко времени Бородинского сражения соотношение между силами и средствами Наполеона и его противника приблизилось к точке равновесия, в связи с чем Бородино стало таким событием, в котором элемент случайности, а точнее говоря, инициатива, воля, всплеск энергии у главнокомандующего, начальников и отдельных бойцов, могли иметь решающее значение как для исхода самого сражения, так и всей войны 1812 г., что, в свою очередь, имело бы самые далеко идущие последствия для всей мировой истории; в этой связи становится очевидным, что малые воздействия, случай, аттракторы, воздействуя на мезоуровне, в конечном итоге предопределяют течение и макроисторических процессов;

- воздействие Бородинского сражения на исход войны 1812 г. следует рассматривать только в качестве одного из ряда факторов, предопределивших победу России; следует учитывать как ситуацию кризиса и начала внутреннего распада Великой армии и всей системы наполеоновского господства, обнаружившихся еще до похода в Россию, так и крах надежд на скорое подписание мира после решающего сражения и вхождения Наполеона в русскую столицу; наконец, необходимо помнить о сильнейшем воздействии на морально-психологическое и физическое состояние чинов Великой армии пожара Москвы, русских пространств и морозов;

- большие перспективы в развитии современной исторической науки может иметь использование метода историко-темпорального синтеза, предложенного и апробированного в диссертации на материалах Великой армии Наполеона в России в 1812 г.; этот метод, рожденный во многом благодаря появлению микроистории, предполагает последовательное соединение разных масштабов и плоскостей рассмотрения одного и того же исторического события с одновременным совмещением конкретно-исторической проблематики с проблемати-

кой исторической психологии, исторической антропологии, исторической памяти и других смежных наук; соединяя внеличные структуры прошлого и конкретные жизненные ситуации, мы постепенно делали историческое событие «объяснимым», сохраняя при этом его уникальность;

- дальнейшее изучение Отечественной войны 1812 года как столкновения России и Запада будет характеризоваться рядом принципиально новых особенностей: во-первых, значительным расширением источниковой базы, что связано не только с комплексным использованием зарубежных и отечественных источников, но и с принципиально новым подходом к самому пониманию источника как носителя разноплановой информации; во-вторых, широким использованием новых методов изучения прошлого – от количественных методов до микроисторических подходов; в-третьих, значительным расширением привычной тематики, благодаря чему историки будут переключаться на изучение историко-антропологических, ментальных процессов и процессов межкультурного взаимодействия.

**Основные положения
диссертации изложены в следующих работах:**

1. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Монография. Екатеринбург: УрГПУ, 2001. 36 п.л.
2. Битва при Москве-реке. Армия Наполеона в Бородинском сражении. Монография. М.: Рейтар, 1999. 14,5 п.л.
3. Битва при Москве-реке. Армия Наполеона в Бородинском сражении. 2-е изд., исправленное, переработанное и дополненное. Монография. М.:Рейттаръ, 2001. 17 п.л.
4. Бой за Шевардинский редут 5 сентября 1812 г. (по зарубежным источникам) Статья. // 185 лет Отечественной войне 1812 г. Сб. докладов и сообщений международной научной конференции, Самара, 1997. Самара: СамГПУ, 1997, 1997. С.9-21. 0,7 п.л.
5. Французская армия 6 сентября 1812 г. Статья. // Отечественная война 1812 г.: источники, памятники, проблемы. Материалы VI международной научной конференции, Бородино, 1997. Бородино: Госуд. Бородинский музей-заповедник, 1998. С.67-88. 0,8 п.л.
6. Французская историография Бородинского сражения. Статья. // Отечественная война 1812 г.: источники, памятники, проблемы. Материалы VII Всероссийской научной конференции, Бородино, 1998. Бородино: Госуд. Бородинский музей-заповедник, 1999. С.53-73. 0,9 п.л.
7. The Battle of Borodino: The Fall of the Grand Redoute. Статья. // The Journal of Slavic Military Studies. Vol.13.2000. N1. P.90-112. 1 п.л.
8. Бородинское сражение. Падение «большого редута». Статья. // Бородинское поле. История, культура, экология. Вып.2. Сб. научных трудов. Бородино: Можайск – Терра, 2000. С.31-55. 1 п.л.
9. Наполеон в Бородинском сражении (опыт микроисторического исследования). Статья. // Отечественная война 1812 г. : источники, памятники, проблемы. Материалы VIII Всероссийской научной конференции, Бородино, 1999. М.: Можайск – Терра, 2000. С.56-84. 1,1 п.л.
10. Насморг полководца, или Наполеон в Бородинском сражении. Статья. // Казус. 2000. Индивидуальное и уникальное в истории. Научный альманах. М.: Изд-во РГГУ, 2000. С.349-374. 1 п.л.
11. Армия Наполеона 8 сентября 1812 г. (К вопросу о результатах и последствиях Бородинского сражения). Статья. // Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации. Материалы международной конференции, Вологда, 2000. Вологда: Вологодский ин-т развития образования, 2000. Ч.2. С.151-167. 0,9 п.л.
12. «Английское» Бородино (британская историография Бородинского сражения). Статья. // Проблемы всеобщей истории в контексте подготовки педаго-

гических кадров. Вып.2. Межвузовский сб. научных трудов. Екатеринбург: УрГПУ, 2000. С.25-44. 1 п.л.

13. Наполеон в Бородинском сражении. Статья. // Памятники Отечества. Альманах. №47. Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. М.: «Редакция альманах “Памятники Отечества”», 2000. С. 78-89. 1 п.л.

14. Смерть Фердинанда Ларибуазьера, су-лейтенанта карабинеров. Статья. // Историческая наука на рубеже веков. Материалы всероссийской научной конференции, Екатеринбург, 1999. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2000. С.183-192. 0,4 п.л.

15. Солдат армии Наполеона в 1812 г.: религия, суеверия, культ императора. Статья. // Запад, Восток и Россия: проблемы истории, историографии и источниковедения. Вып.3. Межвузовский сб. научных трудов. Екатеринбург: УрГПУ, 2001. С.37-47. 1 п.л.

16. Бородино в исторической памяти немцев. Статья. // Отечественная война 1812 г.: источники, памятники, проблемы. Материалы IX Всероссийской научной конференции, Бородино, 2000. М.: Калита, 2001. С.94-120. 1 п.л.

17. Французский солдат в Бородинском сражении: опыт военно-исторической психологии. Статья. // Человек и война. Война как явление культуры. Материалы международной научной конференции, Челябинск, 2000. М.: АИРО-XX, 2001. С.38-64. 1,1 п.л.

18. Пожар Москвы в 1812 году и Александр I . Статья. // Шестые Романовские чтения, Екатеринбург, 2000. Екатеринбург: Рекламно-изд. концерн «Реал», 2001. С.56-65. 0,3 п.л.

19. Россия глазами европейцев в 1812 г. Тезисы. // Европа в контексте диалога Запада и Востока. Материалы межвузовской научной конференции, Екатеринбург, 1998 // Екатеринбург: Урал. ун-т, 1998. С.117-120. 0,15 п.л.

20. Дивизия Компана в бою за Шевардинский редут 5 сентября 1812 г. Статья. // Сержант. 1998. №4. М.: Рейтар. С.3-8. 0,7 п.л.

21. Судьба русских раненых в Бородинском сражении. Тезисы. Вторые уральские военно-исторические чтения. Материалы региональной научной конференции. Екатеринбург, 1999. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2000. С.28-30. 0,1 п.л.

22. Эстетика войны XIX – начала XX века. Тезисы. // Пятые Романовские чтения. Екатеринбург, 1999. Екатеринбург: Изд-ий дом «Ява», 2000. С.28-30. 0,1 п.л.

23. Французские архивные источники по истории Отечественной войны 1812 г. Тезисы. // Документ. Архив. История. Современность. Материалы научно-практической конференции, Екатеринбург, 2000. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2000. С.27-29. 0,1 п.л.

24. 1812 год: Запад и Россия (К постановке проблемы). Тезисы. // Многокультурное измерение исторического образования: теория и практика. Мате-

риалы пятых всероссийских историко-педагогических чтений, Екатеринбург, 2001. Екатеринбург: УрГПУ, 2001. С.27-30. 0,2 п.л.

Всего по теме диссертации опубликовано 24 печатные работы общим объемом 81,95 п.л.

Подписано в печать 22.03.2002. Формат 60х84 1/16.
Печать на ризографе. Усл. печ. л. 2.4. Уч.-изд. л. 2.4. Тираж 120 экз. Заказ
Отдел множительной техники
Уральского государственного педагогического университета
620219, ГСП-135, Екатеринбург, просп. Космонавтов, 26